

АРКАДИЯ • САГА

Ж О З Е Ф Р Е Ш

**Ш Е Л К О В А Я
И М П Е Р А Т Р И Ц А**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2018

УДК 811.131.1
ББК 84(4Фра)
Ф86

José Frèches
I'IMPERATRICE DE LA SOIE

Перевела с французского
Ольга Чумичева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press

Фреш Ж.

Ф86 Шелковая императрица : [роман] / Жозе Фреш; [сокращ. пер. с франц. О. Чумичевой]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 720 с. — (Серия «Аркадия. Сага»).

ISBN 978-5-906986-28-3

Шелковый путь, VII век. Торговые караваны, города, оазисы и монастыри Востока. Стены древних храмов и заснеженные горные тропинки, позолота дворцов и пески пустынь, мудрость священных текстов и суета политических интриг. Люди разных рас и верований оказываются затянuty вихрем событий, знаменующих начало новой эпохи. Станет ли буддизм основной религией Китая? Сможет ли юная наложница занять трон Поднебесной в качестве первой в истории женщины-императора?

УДК 811.131.1

ББК 84(4Фра)

© XO Éditions, 2003

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-28-3

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Аддай Аггей — епископ, глава несторианской общины в Дуньхуане.

Безумное Облако — индийский адепт тантризма, наркоман и убийца.

Безупречная Пустота — настоятель монастыря Познания Высших Благодеяний в Лояне (Китай), глава буддийской церкви Большой Колесницы.

Буддхабадра — настоятель монастыря Единственной Дхармы в Пешаваре (Индия), глава буддийской церкви Малой Колесницы; бесследно исчез, совершая таинственное путешествие в Самье (Тибет).

Великий Медик — китайский врач, ставший монахом-махаянистом, встретился с Кинжалом Закона в индийских горах.

Гао-цзун (личное имя — Ли Чжи) — сын Тай-цзуна, прежнего императора Китая.

Голеа по прозвищу «Гора» — воспитательница Умары.

Госпожа Ван — первая официальная супруга Гао-цзуна, изгнанная в результате происков У-хоу.

Дьякон — доверенный человек Аддая Аггея, ответственный за тайное производство шелковой нити.

Кинжал Закона — первый помощник Буддхабадры.

Лама сТод Джинго — секретарь и помощник почтенного Рамае сГампо.

Ли Жинь-жи — префект Главной инспекции Китая.

Ли Он — сын У-хоу и Гао-цзуна, объявлен принцем-наследником вместо Ли-чжуна.

Ли-чжун — сын Прекрасной Чистоты и Гао-цзуна.

Луч Света — слушатель манихейской общины Турфана, ответственный за тайное производство шелковой нити, возлюбленный Нефритовой Луны.

Маджиб — перс, глава шайки разбойников.

Манакунда — молодая послушница монастыря Самье, умерла при рождении Небесных Близнецов.

Ма-ни-па — странствующий монах, друг Пяти Защит.

Море Покоя — Совершенный Учитель, глава манихейской общины Турфана.

Морская Игла — см. Торлак.

Небесные Близнецы — девочка и мальчик, рожденные Манакундой.

Немой — раб, тюрко-монгол, принадлежит У-хоу, исполняет самые грязные поручения.

Нефритовая Луна — работница Храма Бесконечной Нити, возлюбленная Луча Света.

Очевидная Добродетель — министр шелка.

Первое Из Четырех Солнц Освещающих Мир — монах в Лояне.

Прекрасная Чистота — первая императорская наложница, изгнанная У-хоу.

Пыльная Мгла — сирота-китаец, друг Умары.

Пять Защит — монах из обители Познания Высших Благодеяний в Лояне (Китай), попечитель Небесных Близнецов и возлюбленный Умары.

Радость Учения — монах, соперник Кинжала Закона.

Рамае сГампо — слепой настоятель буддийского монастыря Самье (Тибет).

Святой Путь Из Восьми Ступеней — монах буддийского монастыря в Пешаваре, уроженец Тибета.

Тай-цзун Великий — отец Гао-цзуна, прежний император Китая.

Торлак по прозвищу Морская Игла — молодой уйгур, обращенный в манихейство и ответственный за связь с Ярко-Красным.

Улик — перс, переводчик в шайке разбойников.

Умара — дочь епископа Аддая Аггея.

У-хоу — наложница пятого ранга, затем законная супруга императора Гао-цзуна.

Центр Равновесия — настоятель монастыря Спасения и Милосердия (оазис Дуньхуан).

Чжан-цзун У-и — дядя Гао-цзуна, генерал, главнокомандующий армией Китая, бывший первый министр.

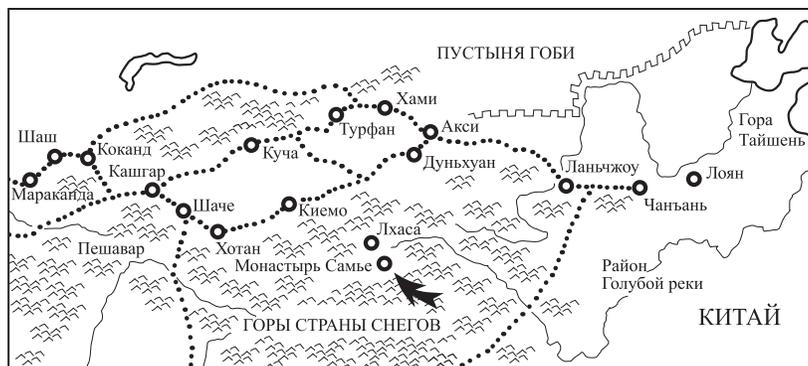
Явное Благодеяние — настоятель монастыря Большой Колесницы в Турфане.

Ярко-Красный — владелец лавки «Шелковая бабочка», торговец шелком.

Ярпа — жрица культа бонпо в Стране Снегов.

ПРОЛОГ

МОНАСТЫРЬ САМЬЕ, ТИБЕТ

Маленькая Манакунда наконец достигла цели!

Но в этот момент безмерный ужас охватил ее.

Дрожащими пальцами она прикоснулась к массивной витой бронзовой ручке, с обоих концов украшенной рожами демонов с чудовищными ухмылками. Впервые увидев этих монстров так близко, юная послушница в страхе отпрянула.

Струйки холодного пота текли по спине, но она их не замечала. С замиранием сердца она вложила ключ в замочную скважину, с такой силой сжав изящный бронзовый стержень, увенчанный крошечной коронкой в форме четырех человеческих черепов — величиной не больше горошины каждый, — что под кожей набухли фиолетовые прожилки вен.

Если в ее руки попал нужный ключ, уже не осталось препятствий, чтобы она, Манакунда, в одиночку проникла в заповедную комнату, и... неужели она отважится? Неужели никто не помешает ей?

С утренней зари и до вечерней, когда монахи собирались на службу, со стороны этих широких кедровых досок, скрепленных гвоздями, шляпки которых поблескивали, как глаза Красной Дайкини — ужасного клыкастого божества, — раздавалось словно бы громкое мяуканье. Оно разносилось под сводами длинного коридора и далее по всему зданию, и звук этот целый день преследовал каждого в Самье, пока обитель не затихала на ночь.

Манакунда припомнила все это, и хотя она повторяла себе, что перед ней обыкновенная дверь, ей никак не удавалось отмахнуться от собственного воображения. А оно нашептывало, что там, впереди, скрывается неизвестный зверь, запертый в сумраке библиотеки, куда монахиням входить запрещено, — зверь безмерно ужасный, готовый мгновенно разорвать ее на куски.

Теперь, будто желая крепче стоять против неведомых злых духов, она одернула накидку, затянула пояс потуже и набрала побольше воздуха в грудь, прежде чем осмелиться сделать шаг вперед. Как правило, этого ей хватало, чтобы приободриться.

Но ведь еще никогда она не приоткрывала такой — такой! — двери.

Не признак ли безумия то дело, которое ее вспотевшие руки совершают в эту минуту? Разве подобает замышлять подобное юной послушнице, которой едва исполнилось шестнадцать лет, — вместо того чтобы скромно стоять сейчас на богослужении?

А ведь заранее даже нельзя было узнать, тот ли самый ключ ей удалось вытащить. Она торопливо утянула первый попавшийся, который нащупала в облачении почтенного ламы сТода Джинго. А он ничего не заметил, поскольку в это время спал, ведь даже самый праведный лама закрывает глаза, когда спит.

Сердце Манакунды заколотилось еще отчаянней, когда она попыталась повернуть в замке ключ. Потребовалось всего мгновение, чтобы убедиться: он не подходит! Стержень его оказался слишком коротким и легко повернулся в чересчур широком отверстии — да что там, она могла спокойно засунуть в скважину два пальца! Ключ от книгохранилища, ключ от ворот монастыря — все они не могли сравниться размерами с тем, что был нужен для этого замка. Ох, ну почему она не взяла самый большой ключ, выглядывавший из облачения ламы? Видно, один из демонов на его головке скорчил уж очень страшную рожу...

Девушка вдруг обнаружила, что не может решить, расстроиться или вздохнуть с облегчением: в конце концов, может быть, сам Будда Всемиловитый пожелал воспрепятствовать непростительному нарушению монастырских правил, которое она вознамерилась совершить?

Абсолютный запрет на вторжение в библиотеку был одним из множества других, как-то: на употребление в пищу мяса, на опьяняющие напитки, на то, чтобы прямо смотреть в глаза монаху противоположного пола или касаться его одежд... Также существовали и иные правила, которые настоятель монастыря Самье достопочтенный и вызывающий всеобщий трепет Рамае сГампо, еженедельно внушал молодым монахиням и послушницам.

Манакунда очень быстро поняла, что все эти запреты строги только для женщин. А вот послушники-мужчины запросто привлекались для разбора и сортировки многочисленных свитков из бумаги и шелка, составлявших гордость монастыря — древнейшего в Тибете собрания книг. Почему-то это было обиднее, чем прочие проявления неравенства. Но разве оставалось что-либо другое, чем принять все как данность, юной послушнице, семья которой была настолько счастлива избавиться от лишнего рта, что домочадцы не сумели сдержать бурной радости до отъезда дочери?

Когда два дня назад, собрав все душевные силы, прямо посреди урока медитации она отважно спросила о том, что не давало ей покоя, то не смогла скрыть дрожь в голосе:

— Блаженный учитель сГампо, меня зовут Манакунда. Вот мой вопрос: каким действием может очиститься величайший из грешников?

— Почему юная Манакунда испытывает потребность задавать мне подобный вопрос? — мгновенно отозвался своим неподражаемым голосом, одновременно мягким и твердым, поднимающимся из самых глубин его горла, глава прославленной общины — общины, состоящей из трех тысяч монахов и двух тысяч монахинь, приверженных тантрическому буддизму, бытующему в странах Бод, как называют Тибет китайцы.

Тогда, черпая храбрость и поддержку в удивленном шепоте присутствующих, испытывая чувство смешанной со страхом дерзости, так свойственное ребенку, который осмелился задать взрослому некий неподобающий вопрос, она снова обратилась к этому человеку с тщательно выбритой головой — подобно всем послушницам второго года, она не осмеливалась взглянуть на него прямо и никогда не видела черт лица наставника. Манакунда воображала их суровость, угадываемую по совершенству овала головы, абрис которой виден был против единственного луча света в комнате, погруженной во мрак, где послушницы под строгим надзором постигали тайны «сидячей медитации».

И она, конечно, старательно запомнила слова, которые старый, исполненный мудрости и опыта лама произнес как нечто само собой разумеющееся, тоном почти радостным и слегка снисходительным, потому что вопрос показался ему надуманным и даже нелепым.

Ну что может знать о величайших грехах шестнадцатилетняя послушница безупречного поведения, которой поручена забота о чашах для подношений и уход за париками жрецов перед официальными церемониями?

— Для грешницы твоего рода, — сказал учитель, — а в столь юном возрасте грех не может быть слишком тяжким! — достаточно

записать обстоятельства поступка на первой странице сутры¹, хорошо обдумав случившееся и выразив искренние сожаления. Ведь каждый, кто читает сутру, испытывая невыразимое сострадание к другому человеку, будет ходатайствовать о грешнике, совершившем такой жест признания вины и покаяния!

— Значит, грешник может добавить фразу об искуплении на начальной странице любой проповеди или молитвы? — уточнила она, не веря своим ушам: метод, предложенный учителем Рамае сГампо, показался ей слишком простым.

В тот же вечер, лежа на узкой и жесткой, как доска, кровати, которую она делила с еще одной послушницей, Манакунда мысленно поклялась непременно совершить покаяние способом, который узнала от достопочтенного Рамае сГампо. За два года, проведенные в Самье, она достаточно научилась тибетской грамоте, чтобы написать несколько строк признания.

Но теперь получалось вот как: чтобы стереть с тела и души пятно, которое марало и обременяло ее карму², и чтобы не возродиться в следующей жизни, скажем, в качестве мыши, обитающей в деревне, полной кошек, или насекомого на дереве, где живут дрозды, придется совершить новый грех! Она рассудила, однако, что грех это простительный. Несмотря на отсутствие опыта в обращении с сакральными предметами, к Манакунде пришло убеждение, что очистительный акт гораздо важнее, чем пренебрежение монастырскими правилами.

И вот ключ не подошел к замку, дверь хранилища осталась заперта. Таким образом, дело как бы решилось само — и можно больше не дрожать от страха. Как же теперь быть с ужасным поворотом судьбы, грозившим навредить ее карме?

Нет, нельзя отступаться, нельзя! Неужели все пропало?!

В ярости она пнула массивные кедровые доски и вскрикнула от боли, ушибив большой палец о здоровенную шляпку одного из гвоздей. И в этот самый момент с изумлением увидела, как одна створка медленно приоткрылась. Дверь вообще не была заперта на ключ!

---

¹ Сутра (санскр.) — краткий буддистский трактат религиозного, философского или нравственного содержания. — *Прим. пер.*

² Карма (санскр. — «деяние») — закон возмещения, по которому в соответствии с суммой добрых и злых деяний живому существу предопределяется судьба в последующих перевоплощениях, что, по представлениям буддизма, приближает или удаляет возможность достичь состояния Будды, то есть Просветленного. — *Прим. пер.*

Почти в обмороке от страха, девушка просунула руку в образовавшуюся щель.

Несомненно, это был волшебный, бесценный подарок Манакунде от Блаженного Будды!

Теперь она могла проникнуть в святая святых, где хранились сутры, и освободиться от воспоминаний, лишивших ее сна, а со временем научиться думать о чем-то ином, а не только о том роковом дне, когда и ее тело, и сама жизнь претерпели настоящее потрясение...

Со всеми возможными предосторожностями она постаралась сдвинуть тяжелую створку двери так, чтобы петли не издали обычного громкого скрипа.

Ни малейшего звука, что само по себе настоящее чудо.

Теперь Манакунда отчетливо ощущала покровительство милостивого и благосклонного к людям Авалокитешвары, бодхисатвы и ученика Будды, — того самого, к которому все охотно обращались с молитвами, ведь он имел репутацию святого, готового прислушиваться к голосам ничтожных и смиренных, передавать их просьбы Блаженному Будде, лишь бы только соблюдалось единственное и простое условие: мольбы эти должны исходить от чистого сердца.

Сводчатый зал библиотеки был залит светом полной луны, что позволяло хорошо рассмотреть в его центре три длинных стола для чтения и письма, за которыми экзегеты изучали рукописи, а монахи-переписчики неустанно копировали исполненные мудрости тексты. По стенам тянулись стеллажи с тысячами свитков, хранивших эту мудрость просвещенных, а также бесчисленные комментарии и разъяснения к ней, столь благодатные для несовершенных умов.

Посреди центрального стола между двумя рулонами шелка лежал свиток, который был гораздо больше всех прочих.

Преодолевая робость, Манакунда подошла ближе.

Рукопись помещалась внутри специального футляра из лакированного бамбука, обтянутого роскошным красным шелком, казавшимся сейчас почти черным. Она была частично развернута: видимо, ее содержание разбирал один из девяти монахов — переписчиков обители, которые корпели за этими длинными столами целыми днями, кроме тех часов, когда жара казалась изнуряющей. Они переводили священные тексты на тибетский или китайский с санскрита, поскольку источники мудрости доставлялись сюда из Индии, страны самого Будды.

Манакунда напомнила себе, что нужно поторопиться, чтобы не столкнуться на выходе из книгохранилища нос к носу с одним из монахов, которые совершают еженощный обход коридоров.

Частично развернутая сутра показалась ей самой подходящей.

На чистом участке бумаги, гладкой, будто слоновою костью, она решила начертать предписанные ей слова исповеди прямо возле того места, что предназначалось для колофона³.

Какое облегчение испытала она наконец! Стоит лишь написать эти три строки кистью, что напоена припасенными в рукаве чернилами, — и долг покаяния и смирения будет отдан! После этого она сможет направить шаги по верной дороге, опираясь на милость Будды и не предаваясь отныне воспоминаниям, которые время от времени накатывали на нее и обжигали — словно вспыхивали на теле печати, горящие огнем.

Вот и теперь, раскручивая огромный рукописный свиток, чтобы бумага ровнее легла на краю стола, девушка ощутила особый холодок в животе и мурашки, бегущие по телу, — как всегда, когда она предчувствовала возвращение воспоминаний во всей их яркости.

Ей некстати пришло в голову: не имеет ли свиток ту же толщину и форму, несмотря на явно превосходящую длину, что и огромный продолговатый комок мускулов, который мужчина извлекает из штанов, прежде чем ввести в малое отверстие, открывающееся ему навстречу между женских бедер.

С тех пор прошло уже больше двух месяцев: шестьдесят пять дней, если считать точно, — она тщательно подсчитывала все эти дни, — когда удивительное слияние с телом мужчины преобразило ее, открыв бесконечные горизонты наслаждения, но в то же время заставляя невыносимо страдать от раскаяния.

Юная послушница Манакунда до той достопамятной ночи имела самое смутное представление о происходящем между мужчиной и женщиной, прежде ей никогда не случалось видеть обнаженного мужского естества, тем более — как оно восстает. С некоторым опасением она встретила твердые и нежные руки мужчины и этот его закругленный на конце кинжал, гладкий и розовый, обращенный вверх, словно голова кобры нага, поднимающейся в танце под звуки флейты заклинателя змей. От страха Манакунда закрыла глаза, но аромат благовоний, пропитавший все вокруг, заставил ее запрокинуть голову, уплывая по волнам времени и пространства. Тогда она впервые ощутила необычное тепло, заполнившее ее живот.

Она помнила, как мужчина привел в движение свой кинжал из плоти, заключив его в ладони, словно стило для письма. И тогда его отвердевшая плоть начертала на ее животе буквы санскрита.

---

³ Колофон — особая приписка к тексту с данными о месте изготовления рукописи и имени переписчика. — *Прим. пер.*

Сосредоточившись на этом рисунке, пытаясь угадать знаки, она постепенно разобрала, что мужчина написал на ее теле слово «бодхи».

Пробуждение Просветленного!

«Бодхи» — это слово показалось более возбуждающим, чем «кинжал», который, вздрагивая и заставляя содрогаться ее живот, начертал на ее плоти огненные буквы. Мужчина собирается трансформировать ее существо, сделать ее бодхисатвой! Для юной послушницы это казалось внезапным даром, высокой честью и неслыханным шансом. Она уверилась: происходящее с ней неизреченным образом связано с высшим действием, совершенным некогда тысячами праведных предшественников, а потому она ощущала себя счастливой избранницей, одаренной сверх меры.

Напиток, который дал ей выпить этот мужчина — но был ли он просто мужчиной? — показался тепловатым, сладким и густым, как кровь, мысли у нее постепенно начали путаться, совсем смешавшись в тот миг, когда жезл из плоти едва не разорвал ее, глубоко проникнув в чрево. Она вообразила на мгновение, что это перст самого Благословенного Будды, наполняющий ее неизъяснимым счастьем!

Она не сразу установила связь между этими блаженными видениями и напитком, который мужчина заставил ее выпить, прижав к ее губам половинку человеческого черепа, обвитую по краю тонкой змейкой серебра. Она никак не могла понять, чем занят этот человек, не смыкавший рядом с ней глаз почти до самого утра. Казалось, он совершает какой-то ритуал, хриплым голосом произнося странные, незнакомые ей фразы и имена на санскрите, непрестанно то входя в ее тело, то выходя из него, словно дикое животное, пока наконец не истощил силы и не опустился на нее, мгновенно погрузившись в глубокий сон.

Почувствовав неожиданный и острый приступ тошноты, она выбралась из его объятий и побежала вверх по тропинке к маленькой ступе⁴, стоявшей на склоне неподалеку, среди россыпи камней. Там, оставшись в одиночестве, крошечная и ничтожная перед величием заснеженных горных вершин, бедная Манакунда наконец остановилась, и ее с ужасной силой вырвало.

Собравшись с духом, потрясенная и леденеющая от страха, остро ощущая последствия проникновения чужой плоти внутрь ее тела, она потихоньку двинулась, стараясь не упасть, через нагроможденные скалы, заслонявших от Самье место культа, где она испытала невероятное.

---

⁴ Ступа — буддийский памятник особой формы, который устанавливают в честь какого-либо важного события или персоны. — *Прим. пер.*

Оставалось лишь несколько шагов до ворот обители, открытых целый день для всех голодных и нуждающихся в убежище, как она вдруг осознала, что ее обманули. Тот благой дар, который, как Манакунда думала, был дан свыше, представлял собой всего лишь позорное совокупление с женщиной, нарушение наложенных на нее обязательств укрощать плоть и дух. Ошибка же ее произошла от тех пьянящих воскурений, чей аромат она вдыхала, а также и от того напитка, который ей пришлось выпить.

Увы, рядом не было никого, способного выслушать ее. Никого, с кем она могла бы поделиться. В монастыре Самье каждый пребывал в одиночестве, даже если почти никогда не оставался в уединении. В этом месте любой — от старого монаха едва ли не столетнего возраста до юной послушницы, недавно оставившей семью, — лишь молился, работал, ел и спал и не мог позволить себе ничего иного. Например, жаловаться.

Впрочем, разве есть смысл в жалобах, если она произнесла формулу самоотречения и отказа от всех желаний, вообразив ее единственным средством избавления от страданий физических и моральных? Манакунда по примеру других послушниц никогда не признавалась в горестях и страхах, обычных для любой юной девушки. В самом деле, неужели кого-то это интересует в обители, где больше шести месяцев в году приходится по утрам разбивать лед в сосуде для умывания? Больше всего она боялась теперь, что ее осудят и изгонят из монастыря и она останется посреди ледяных дорог, нищая и одинокая.

Пожалуй, единственным, кто способен был проявить сочувствие и казался не отрешившимся полностью от бренного мира, был добрый лама сТод Джинго — он служил ризничим монастыря и секретарем преподобного Рамае сГампо. Иногда Манакунда, проходя мимо, встречала его сочувственный и понимающий взгляд. Именно этот лама так терпеливо, так заботливо обучал девушку правильно расставлять священные сосуды и предметы для богослужения на полках огромного шкафа в ризнице — гулком, неуютном каменном зале.

Но Манакунда и подумать не могла о том, чтобы признаться ему в случившемся, ведь между ними существовала незримая граница, которую послушница никогда не осмелилась бы переступить. Оставалось одно: броситься к ногам милостивого Авалокитешвары, готового протянуть руку страждущим, к которому все обращали свои мольбы, например, о даровании дождя пшеничным полям или о помощи овцам в рождении ягнят, не опасаясь вызвать гнев и недовольство.

Она чувствовала себя такой ничтожной и подавленной перед величественной статуей из кедра с миндалевидными глазами, инкрустированными лазуритом, с веками, покрытыми серебром! Она дрожала под взглядом улыбающегося великана, и постепенно все ее существо исполнилось ужасного стыда. Стыда за неожиданное для нее самой и столь сильное желание, поборовшее всю ее изначальную решимость избегать соблазнов. За то, что она так неразумно последовала за мужчиной, позволила себе поверить ему... Не остереглась! Не была бдительной! Позволила уложить себя на пол в комнате, наполненной дымом возжигаемых благовоний, в окружении свечей, сочившихся красным воском, в магическом «круге космического совершенства», так что их с мужчиной головы, как он торжественно объявил, стали «невыразимым центром», а все их члены образовали «божественные лучи»... Стыд настигал ее каждую ночь. Она вынуждена была признать себе, что не способна избавиться от мыслей о жезле плоти, доставившем ей столь сильное удовольствие и перевернувшем все ее представление о мире.

Ей пришлось всем весом навалиться на край стола, чтобы не упасть от внезапного головокружения; рукой она поспешно ухватила за стеллаж с рукописями. Некоторые драгоценные свитки упали на пол и развернулись. Манакунда бросилась собирать их, стараясь как можно меньше шуметь, а затем выпрямилась и велела себе собраться с духом.

Наконец она тщательно разгладила край большого свитка на столе — с тем чтобы безыскусно и аккуратно написать фразу покаяния, где та будет менее всего заметна.

Благодаря начальным познаниям в санскрите, который послушницам преподавали ежедневно, девушка смогла разобрать название сутры, которой предстояло вобрать ее признание. Рядом с изящной миниатюрой, представляющей бодхисатву Будущего Блаженную Майтрею в роскошной тиаре и с подвесками в ушах, было крупно написано: «Сутра последовательности чистой пустоты». Рядом она увидела строки перевода — кажется, на китайский. Она не могла бы прочитать их, даже если луна светила бы ярче. Да и вообще не понимала, что это за язык такой, в котором больше десяти тысяч знаков для письма!

Сосредоточенно сдвинув брови, по-старушечьи сгорбившись над изображением прекрасной девы и заглавием сутры, повыше первых строк текста она вписала одиннадцать слов своей исповеди, стараясь не исказить имя мужчины, который заставил ее перенести такое испытание и запятнать свою плоть и душу. И по мере того, как она